

СВЕТ ИЗ ПЕЧОР

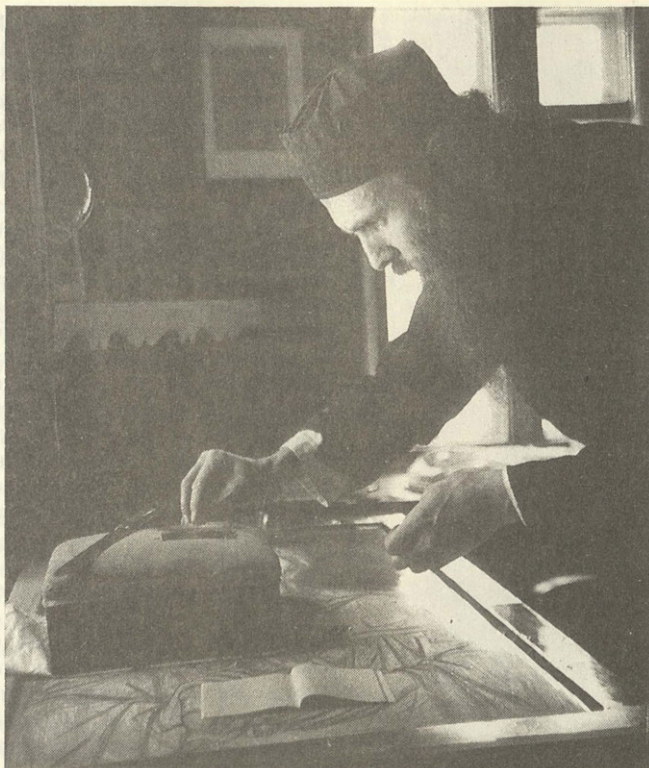
Псковско-Печорский монастырь всегда, даже в советское время, оставался крепкой монашеской обителью, сохранял свои древние устои и традиции, имел добротное хозяйство.

Архимандрит, писатель и ученый, каждый по-своему, рассказывают о жизни монастыря



Пустынножи-
тельство
Сергия
Радонежского.
Миниатюра
XVI в.

St. Sergius in
the Wilderness.
16th-century
miniature



Архимандрит
Зинов
в иконописной
мастерской.
Archimandrite
Zenon at his
icon-painting
studio.

Икона в литургическом возрождении

Архимандрит **ЗИНОН**

*Не сотвори себе кумира, и всякого подобия,
елика на небеси горе, и елика на земли низу,
и елика в водах под землею; да не поклонишися им
ни послужиши им.*

Исход, гл. 20, ст. 4—5

Православная Церковь обладает бесценным сокровищем не только в области богослужения и святоотеческих творений, но также и в области церковного искусства. Почитание святых икон играет в Церкви очень большую роль, потому что икона есть нечто большее, чем просто образ: она не только украшение храма или иллюстрация Священного Писания, она — полное ему соответствие, предмет, органически входящий в богослужебную жизнь. Этим объясняется то значение, которое Церковь придает иконе, то есть не всякому вообще изображению, а тому специ-

фическому образу, который она сама вырастила в течение своей истории, в борьбе против язычества и ересей, тому образу, за который она, в иконоборческий период, заплатила кровью сонма мучеников и проповедников, — православной иконе.

В иконе Церковь видит не какой-либо один аспект православного вероучения, а выражение православия в целом, православия как такового, отчего иконы справедливо называются также «богословием в красках». Отсюда понятно, что изучение содержания и смысла иконы есть предмет



Св. Корнилий
Псковский.
Работа
о. Зинова
St. Kornily of
Pskov. Icon by
Father Zenon

богословский, так же как изучение Священного Писания.

Православная Церковь всегда боролась против обмирщения церковного искусства. Голосом своих соборов, святителей и верующих мирян она защищала его от проникновения чуждых ему элементов, свойственных искусству мирскому. Нельзя забывать, что как мысль в религиозной области не всегда была на высоте богословия, так и художественное творчество не всегда было на высоте подлинного иконописания. Поэтому, с моей точки зрения, ошибочно считать непогрешимым всякий образ, даже если он очень красив и простоял в храме сто или двести лет,

а тем паче если он создан в эпоху упадка иконописания. Такой образ может соответствовать учению Церкви, но может и не соответствовать, а и вводить в заблуждение, вместо того чтобы наставлять. Другими словами, учение Церкви может быть искажено кистью так же, как и словом.

Церковь всегда боролась не столько за художественное качество своего искусства, сколько за его подлинность, не за его красоту, а за его правду. Икона, к сожалению, сейчас не занимает в богослужении подобающего ей места, и отношение к ней совсем не такое, каким должно быть. В иконе давно перестали видеть богословие и, кажется, даже не подозревают, что иконописец способен невольно исказить вероучение. Иная икона, вместо того чтобы свидетельствовать Истину, оказывается лжесвидетельницей.

Икона стала просто иллюстрацией празднуемого события, а потому многим не важно, какова ее форма. Дошло даже до того, что и фотографическое изображение почитается у нас как икона. А ведь икона не изображает, она являет. Она есть явление царства Христова, явление преображенной, обновленной твари. Икона рождается из живого опыта Неба, из литургии, поэтому иконописание надо рассматривать как церковное служение, как литургию. В далеком прошлом к иконописцам предъявлялись очень высокие нравственные требования, такие же, как к клирикам. Иконописцев ценили, а само иконописание считалось в Древней Руси делом государственной важности.

Распространившееся со временем влияние западного богословия, нарушения в евхаристической жизни привели к тому, что икона часто превращалась в картину на религиозный сюжет. Следовательно, почитание ее перестало быть в полном смысле православным.

Хотелось бы обратить внимание на те изображения, которые запрещает Церковь, но которые тем не менее встречаются в любом храме. Иконописание — творчество соборное, то есть творчество всей Церкви. Подлинными творцами икон являются Святые Отцы. Иконографический канон складывался в течение столетий и сформировался в таком виде, в котором дошел до нас, где-то к XII веку. Все отклонения устранялись соборно. Так вопрос иконописания занимал очень важное место на Стоглавом соборе. В частности, речь шла об иконе Святой Троицы, так как в ту пору получили распространение иконы «Отечество» и «Новозаветная Троица».

Ветхозаветный запрет изображать Бога не снят в Новозаветное время. Мы получили возможность изображать Бога только после того, как Слово стало плотью,

стало видимым и осязаемым. По божеству Христос неизобразим и неопишем, но так как в Иисусе Христе божеское и человеческое естества соединились неслиянно и нераздельно в одну личность, мы изображаем богочеловека Христа, нашего ради спасения пришедшего в мир и пребывающего в нем до скончания века. Об этом хорошо говорит Иоанн Дамаскин: «...если Сын Божий был в человеческом образе, «зрак раба примим, в подобии человечеством быв и образом обретеса, якоже человек» (Посл. к филиппийцам, гл. 2, ст. 7), то как нам не изображать его? И если принято говорить, что «царское изображение есть Царь, и если честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу, как говорит божественный Василий, то как не чтить и не поклоняться образу?» Не как Богу, но как образу воплотившегося Бога. Надо отметить также, что и всякая икона — христологична, то есть по подобию иконы Христовой мы можем изобразить и святых, в которых изображается Христос через их подвиг подражания его служению.

Обратимся к иконе Новозаветной Троицы. Церковь учит нас о предвечном рождении Сына от Отца, а на иконе мы видим Сына, воплотившегося во времени, сидящего рядом с Отцом, который не воплощался и который «неведом, невидим, непостижим» (молитва анафоры в литургии св. Иоанна Златоуста). Дух Святой явился в виде голубя только на Иордане, потому что в Пятидесятницу он явился в виде огненных языков, на Фаворе — в виде облака. Стало быть, голубь не есть личный образ Святого Духа. В таком виде его можно изображать только на иконе Крещения Господня.

Я думаю, что сказанного уже достаточно, чтобы убедиться в невозможности существования такой иконы, в неправомерности такого существования, ибо образ Новозаветной Троицы — это совершенно произвольное соединение разных частей, вырванных из контекста домостроительства нашего спасения.

Несмотря на то что и Стоглавый, и Большой Московский Соборы запретили подобные изображения, их продолжали писать. Они заняли место чуть ли не в каждом храме и не в каждой иконной лавке. Даже в восстановленном Даниловом монастыре, когда заново создавали иконостас для храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, был написан образ «Отечество». А ведь в этом монастыре почти все насельники с высшим богословским образованием, которые обязаны знать все тонкости вероучения. Существуют четыре иконы Святой Троицы. Они указаны в чине благословения этих икон в нашем требнике. Это ветхозаветное явление Аврааму (в образе трех ангелов), Сошествие Свя-



Св. Мелхиседек.
Работа
о. Зинова
St. Melchisedec.
Icon by Father
Zenon

того Духа на апостолов, Богоявление и Преображение. Все остальные изображения Святой Троицы должны быть отвергнуты как искажающие учение Церкви.

Не так давно в Париже вышла замечательная книга Л. А. Успенского «Богословие иконы Православной Церкви». В ней есть глава «На путях к единству», в которой всесторонне рассматривается икона Пятидесятницы. Почему на этой иконе не может быть изображена Пресвятая Богородица? И почему икона Пятидесятницы перестает быть иконой Церкви, если там изображена Божия Мать, почему она превращается просто в икону Богородицы в окружении апостолов? На

эти вопросы есть ответы. На упомянутой иконе мы видим сидящих в Сионской горнице апостолов, представляющих первую церковную общину, начало Церкви христианской. Заметим, что икона вообще не есть изображение конкретного исторического события; она есть богословское истолкование этого события. Поэтому на иконе Пятидесятницы всегда изображается апостол Павел, который не мог присутствовать на этой встрече, и апостол Лука, который не принадлежал к числу двенадцати. Главой Церкви является Христос. Никакого заместителя или наместника на земле он себе не оставил. Поэтому центр иконы остается пустым. Это место принадлежит Христу как главе Церкви. Ясно, что никто другой на этом месте представлен быть не может.

Скажем и об освящении икон. Очень часто верующие, видя вновь написанную икону и желая к ней приложиться, спрашивают: освящена ли она? По такому чину, который содержится в наших требниках, в старину иконы не освящались. В требнике этот чин называется чином благословения, а не освящения, и должен рассматриваться как одобрение Церковью данного образа, но не как некий сакраментальный акт. Ведь никому не придет в голову, купив новое Евангелие, перед началом чтения освящать его по какому-нибудь чину. Этот чин благословения впервые встречается только в XVIII веке, в Большом требнике Петра Могилы, ни в одном требнике московской дониконовской печати такого чина нет. На иконе ставили надпись, после чего она считалась освященной. В ней почитается не вещество, а изображение. Надпись необходима, как раньше выражались, для того, чтобы утвердился дух молящегося, то есть чтобы молящийся точно знал, к кому он обращается, потому что иконография многих святых сходна. Например, если не будет надписана икона преподобного Кирилла Белозерского, его легко можно принять и за преподобного Сергия или еще за кого-либо из преподобных. С Кириллом Белозерским и вообще сложно. Есть его образ, писанный современником по живой памяти (маленький старичок с какой-то по-детски большой головой), а великий Дионисий написал его по-своему, именно по-дионисиевски, высоко и стройно. Это может смутить человека реалистического мышления, но для Церкви оба эти образа одинаково подлинны.

Икона должна быть написана только на прочном материале, но не на бумаге, не на стекле или другом хрупком веществе. Обычно она пишется на доске. В «Журнале Московской Патриархии» № 10 за 1989 год Л. А. Успенский, рассуждая о красках в иконе, очень просто и убедительно

объясняет, почему цветная фотография не может иметь применение в церковном обиходе. Он говорит, что фотография только имитирует цвет, так как собственного цвета не имеет, и с ним трудно не согласиться. Потому употреблять цветные фотографии с икон в качестве икон, как это делается теперь, не следует. Икона должна свидетельствовать об Истине, а мы вводим элемент лжи туда, где ее быть не должно. Все равно что бумажные цветы в храме. В свое время патриарх Алексий I просил не приносить их в храм, потому что в них нет правды. А гораздо раньше митрополит Московский Филарет (Дроздов) говорил, что поддельные камни и поддельные металлы нельзя употреблять в церковном обиходе не потому, что они малоценны, а потому, что заключают в себе ложь. Золото во все времена было металлом дорогостоящим, а за неимением его использовали простые, но натуральные материалы. Например, традиционным фоном на иконе всегда было листовое золото или серебро. В бедных же храмах, особенно на севере России, все фоны на иконах написаны светлыми красками (надо оговориться, что выражение это не совсем точно; фон — слово нерусское, иконописцы называют его светом, потому что Бог — свет и живет в свете неприступном).

В наше время упадка религиозного сознания догмат иконопочитания на деле забыт, подменен искусствовочитанием, хотя, конечно, это не просто забвение, а разрыв с живым преданием Церкви. Отсюда, может быть, и невольное, но оттого не менее неизвинительное, пренебрежительное отношение к Святым Отцам и к постановлениям вселенских и поместных соборов. И нам еще предстоит восстанавливать иконопочитание в его подлинном смысле. Этот вопрос необходимо решать на уровне Синода, и он должен быть делом всей Церкви.

Сейчас нам возвращают храмы, монастыри. Все они требуют рук иконописцев, а у нас до сих пор нет настоящей иконописной школы. Я знаю очень многих молодых людей, талантливых и желающих учиться, но у них нет для этого условий. Одни связаны семьей и не могут уехать далеко, другие ничем не связаны, но им негде учиться. Слава Богу, наше священноначалие стало проявлять заботу об увеличении числа священнослужителей: открываются духовные училища в епархиях, курсы псаломщиков, семинарии. Но я не слышал, чтобы в какой-нибудь епархии открылась хотя бы маленькая иконописная школа. А между тем почти каждую неделю ко мне кто-нибудь обращается с просьбой написать иконостас или расписать храм. Это лишний раз свидетельствует о том, что икона выпала из богослужения. Должного внимания ей не уда-



Иисус Христос с Богородицею. Работа о. Зинова

Jesus Christ with the Virgin.



Царские врата
с изображением
Василия
Великого
и Иоанна
Златоуста.
Работа
о. Зинова

The Royal
Doors with SS.
Basil the Great
and John
Chrysostom. Icon
by Father
Zenon

ляют. То, чем торгуют в иконных лавках, та современная продукция мастерских Патриархии, далеко не соответствует требованиям, которым должно отвечать настоящее церковное искусство.

В синодальный период появилось множество изображений, которые можно смело назвать глумлением и кощунством над иконой. В одном из писем святитель Игнатий (Брянчанинов) сетовал, что и в его время уже много было не икон, а карикатур-икон. В лучшем случае их можно назвать картинами хорошей кисти, но никак не иконами. В прошлом веке почти все храмы заполняла подобная живопись, а на православную икону поставлено клеймо старообрядчества и варварства. При этом заблуждение распространилось так широко, что и такой умный человек, как Н. М. Карамзин, увидев древнюю роспись новгородской Софии, назвал ее варварской живописью. «Смирненное же подражание католичеству», как иронизировал в упомянутой книге Л. А. Успенский, и до сих пор принимается в иконе как православное и упорно защищается не только верующими, но и иерархами. Все еще трудно услышать давно и верно сказанные отцом Георгием Флоровским слова, что упадок русской иконы начался «с отрыва от иератического реализма» и «с увлечения декоративным символизмом — вернее, аллегоризмом». Внешне это сказывалось, писал этот великий богослов, в наплыве новых «богословско-дидактических» тем и композиций. Заметное преобладание «символизма» означало распад иконного письма. Икона с тех пор становится слишком литературной и начинает изображать скорее идеи, чем лики; самая религиозная идея тонет, теряется и расплывается в художественной хитрости и узорочье форм.

...В иконоборческий период Церковь боролась за икону, а в наше смутное время пришла пора иконе бороться за Церковь. И она борется. Я и сам по-настоящему православие стал узнавать через икону. Когда стал интересоваться литургией, вдруг увидел, что многое непонятно: богословие иконы и восприятие богослужения разошлись, вернее, синодальная икона разошлась с богослужебными текстами. В настоящей полноте все службы двенадцатым праздникам открылись мне только через византийскую икону и русскую икону киевского периода. Они больше соответствуют сути праздников.

Обилие всевозможной информации в современном мире вызвало безразличное, легкомысленное отношение к слову. Как устному, так и печатному слову теперь мало доверяют. Поэтому самым мощным, самым убедительным становится голос иконы. Но сейчас многие образованные люди приходят в Церковь и ищут в ней

ту красоту, которую не смог им дать мир. Они очень тонко чувствуют всякую фальшь, всякое безобразие, уродство. Особенно художники и музыканты. Приходя в храм, они видят безобразные росписи, слышат уродливое, концертное, вместо простого уставного, пение. И никому их не убедить в том, что христиане — это свидетели небесной красоты. И оттолкнуть от Церкви, как может оттолкнуть недолжное поведение священника во время богослужения, его неопрятная одежда, неприличная его сану манера держаться, даже его нечищенная обувь.

У нас во всем принято ориентироваться на бабушек: примут они или нет. Я уверен, что красота ни одну бабушку от храма не оттолкнет. А вот души колеблющиеся и хрупкие могут из-за нашего нерадения уйти из храма навсегда. Человек церковный, который уже смирился, ко всему привык, может, не обращая внимания ни на что, молиться. Но всякий должен молиться благодаря иконе, благодаря пению, а не вопреки им. Многие иконы и даже целые иконостасы написаны так, что мешают молитве, вместо того чтобы ей содействовать.

Говоря о церковном возрождении, необходимо в первую очередь заботиться о том, чтобы Церковь постоянно являла миру ту красоту, которой она обладает в полноте. И когда слову мало кто доверяет, безгласная проповедь принесет больше плодов. Образ жизни священнослужителя, каждого христианина, образ церковный, церковное пение, архитектура храма должны нести на себе печать небесной красоты.

Икона вне Церкви в подлинном смысле существовать не может. Она есть составная часть богослужения, одна из форм проповеди Евангелия, свидетельство Церкви о Боговоплощении, так же как церковное пение, архитектура, обряд. Можно вполне понять людей, которые чистосердечно признаются, что икона канонического письма им непонятна. Но как понять тех, кто отвергает икону по причине ее непонятности? Многие священнослужители убеждены, что каноническая икона простому народу трудна для восприятия и лучше ее заменить живописной иконой, на какие был большой мастер в прошлом веке никому не ведомый ныне академик Фартусов. Но кто мне докажет, что большинству верующих понятны стихирь, ирмосы и сам богослужебный язык, не говоря уже о структуре богослужения? Однако едва ли кому придет в голову мысль, применительно к духовной малообразованности современного народа, упростить все для того, чтобы сделать удобопонятным всякому человеку в Церкви.

Псково-Печорский Свято-Успенский
монастырь